«...Поиски лучшего мира должны опираться на доскональное знание географии...»[1]

Замятин Д. Н. Постгеография. Капитал(изм) географических образов. СПб.: Гуманитарная академия, 2014. — 592 с.
ISBN 978-5-93762-108-5.

Каплан Р. Месть географии. Что могут рассказать географические карты о грядущих конфликтах и битве против неизбежного / пер. с англ. М. Котова. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2015. — 384 с.
ISBN 978-5-389-10490-7.

И. В. Троцук

Ирина Владимировна Троцук, доктор социологических наук, доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru.

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-1-148-165

> В том-то и состоит ценность географии, что благодаря ей действительность предстает перед нами во всей своей густоте и протяженности, во всем многообразии составляющих ее явлений, которые следует мысленно разъединить, но лишь для того чтобы еще лучше понять, насколько тесно они взаимосвязаны.
>
> *Ф. Бродель. Что такое Франция?*

> Есть один факт, который властно господствует над нашим многовековым историческим движением, который проходит через всю нашу историю, который содержит в себе... всю ее философию, который проявляется во все эпохи общественной жизни... который является в одно и то же время и существенным элементом нашего политического величия, и истинной причиной нашего умственного бессилия: это факт географический.
>
> *П. Я. Чаадаев. Апология сумасшедшего*

У географического фактора в социальных науках весьма неоднозначный статус. С одной стороны, ни один здравомыслящий человек не будет отрицать влияние географического фактора на человеческие возможности в сфере хозяйственной деятельности и общего

1. *Каплан Р.* (2015). Месть географии. Что могут рассказать географические карты о грядущих конфликтах и битве против неизбежного / пер. с англ. М. Котова. М. С. 365.

жизнеустройства[2]. Однако существуют примеры того, как титаническими усилиями можно преодолеть биолого-географические ограничения, — «самый северный чай в мире» выращивают в Большом Сочи благодаря тому, что столетие назад Иуда Антонович Кошман вопреки общему убеждению в своем чудачестве смог создать чайную плантацию в нынешнем селе Солохаул. С другой стороны, в истории социальных наук есть особые страницы, ознаменовавшиеся гиперболизацией роли географического фактора в развитии общественных систем. Эти концепции до сих пор квалифицируются как недопустимая монооптика для анализа многофакторной и полипричинной социальности, «проникшая в толщу и северной, и западной традиций мышления… и до сих пор готовая выйти на интеллектуальный поединок с любым поссибилистским или образным пониманием пространства, лелея мечту окончательно отправить этих когнитивных „выкидышей“ на свалку географии»[3].

Книга Д. Н. Замятина «Постгеография. Капитал(изм) географических образов» представляет собой терминологически насыщенное повествование о специфическом междисциплинарном феномене и наследнике прежнего географического детерминизма — постгеографии как «кардинальном пересмотре роли и значения пространственных представлений в жизни человеческих сообществ на локальном, региональном и глобальном уровнях» (с. 4). Книга — объемное по библиографическим отсылкам и содержательному наполнению полотно, требующее от читателя почти невозможной осведомленности в самых разных предметных областях, включая художественную литературу (формат авторских упоминаний литературных произведений предполагает, что читатель их прекрасно знает и легко воспроизведет в памяти предполагаемые контексты и сюжеты). Читателю предлагается очень сложное изложение очень сложного контекста современного восприятия географических вопросов, задачу которого автор видит в «осмыслении онтологического переворота в восприятии и воображении земного пространства… Несмотря на то, что знаково-символическое конструирование культурных ландшафтов стало предметом географических (…и антропологических, филологических, социологических, философских, психологических) исследований уже довольно давно… по крайней мере с 1950–1970-х годов, географическое пространство… до сих пор не рассматривается в онтологической и одновременно антропологической перспективе… Постгеография призвана… нащупать …мыслительные пролегомены, посредством которых географическое

2. См., например: Многоукладность России: исторические корни, состояние и перспективы (2009) /отв. ред. Т. Е. Кузнецова. М.; Пространственный потенциал в стратегии социально-экономического развития России (2011). М.: ИЭ РАН.

3. *Замятин Д. Н.* (2014). Постгеография. Капитал(изм) географических образов. СПб. С. 33.

воображение может быть „легализовано“ или узаконено в качестве онтологического предположения» (с. 5–6).

Слово «капитализм» автор использует в названии, потому что «географические образы, как и собственно капитал в его марксовской трактовке, обладают потенциальной способностью к расширенному и порой неконтролируемому самовоспроизводству» (с. 6). Речь идет о современной гуманитарно-научной парадигме капитализма, которая конструируется в постмарксистских концепциях и трактует пространство прежде всего как «товар», то есть благодаря ему можно получать не только финансовую, но и социальную, культурную и символическую «прибыль» (пространственные репрезентации выступают соответственно как социальный, культурный и символический капитал, не говоря уже об экономическом и политическом).

Книга сложна для восприятия в силу отчетливого философско-культурологического крена, и, видимо, понимая эту особенность своего текста, автор пытается облегчить задачу читателя: во-первых, во введении все сюжетные линии внушительной по объему монографии прописаны тезисно и понятно. Так, расширение традиционных географических дискурсов и введение термина «постгеография» объясняются не общими веяниями нынешней «эпохи с многочисленными приставками „пост“ (постструктурализм, постмодернизм, постистория и т. д.)» и не бессилием классических географических дискурсов XIX–XX веков (они все так же функциональны), а их «ограниченностью, как бы стесненностью и ущемленностью в условиях интенсивного распада модерна» (с. 7). Постгеография предполагает «мышление пространством», которое «есть само по себе географический образ, и проблема лишь в его выражении и презентации» без гипертрофии и без «онтологической негации» (с. 8–9). Сама жизнь мыслится как «пространственный аутопойесис»: «географические образы являются обобщенными специфическими репрезентациями земного пространства, которые можно в свою очередь интерпретировать в различных системах отсчета, картинах мира и онтологиях» (с. 12), причем эти образы налагаются, взаимодействуют, трансформируются, немыслимы друг без друга и составляют единицы «постоянно растущей и расширяющейся географической библиотеки» (с. 14).

Автор выделяет три исторические (западные) эпохи с устойчивыми дискурсами пространственности, которые тесно связаны с дискурсами телесности: античность и средневековье — вся пространственность как бы заключена в плотной телесности; Возрождение и Просвещение — эпоха дистанцированной пространственности (все должно быть увидено как бы издалека); зрелый модерн — эпоха, превращающая любой объект, включая тело, в своеобразный географический «макет». Принципиальное отличие постгеографии показано на примере городского пространства, которое превратилось в постгородское в условиях постмодерна

и глобализации: сегодня это «сеть взаимно отрицающих друг друга, взаимно не видящих, „прозрачных“, „слепых“ мест, понимаемых метагеографически и метафизически… при обилии всепоглощающей визуальной сценарности», и «постурбанизм — тотальное отсутствие границ» (с. 25). Нынешняя «тотальная географизация пространства лишает его первоначальной сакральности, которая имеет в традиционных обществах безусловный онтологический статус» в топическом смысле (языческий политеизм привязан к природным или культурным локусам), утопическом (религии откровения пренебрегают местом) или спациалистском (в буддизме любое место стараниями верующего может стать священным) (с. 28–30), и заменяет ее «интенсивной медиализацией» — «медиативные пространства „предлагают себя“ в качестве наиболее удобных и комфортных „заместителей“ любых изначальных… репрезентаций мест и территорий… и способны… проживаться как онтологические, т. е. как незаменимые, необходимые и органически присущие» (с. 31).

Во-вторых, книга имеет четкую структуру: каждая из трех частей разбита на разделы и подпункты, курсивом в тексте выделены ключевые понятия, представлены их развернутые определения с производными понятиями, в хронологическом порядке, с обозначением трансформаций содержания, причин подобных изменений и ученых, зафиксировавших таковые в научном дискурсе. Впрочем, тем самым автор и усложняет задачу читателя, потому что вводит собственные понятия и/или уточняет и дополняет вполне традиционные, конструируя гроздья рядоположенных понятий, например используя для этого приставку «мета» с неоднозначным статусом в социально-гуманитарном знании (метагеография, метагеополитика, метапространство — «поле, где сопространственные дискурсы как бы размещаются относительно друг друга в целях развития собственных представлений» — с. 174 или «представление мира в виде глобальных геополитических образов» — с. 206).

Автор очень последовательно выстраивает свою постгеографическую теорию. В первой части книги рассмотрены понятия «пространство/образ» и основные объективные и концептуальные вехи на пути перехода от географии к постгеографии. Традиционную географию автор определяет как позитивистскую теорию и практику, ориентированную на освоение обществом самого себя, а не только конкретных мест и ландшафтов, — освоение бесконечное и незавершенное в силу способности человека и общностей к территориальным адаптациям, а также спонтанно-неостановимое — по модели распущенной часовой пружины. Объективные процессы (например, Великие географические открытия) и концептуальные модели (скажем, осуществленная М. Фуко экспансия пространственных метафор) привели к тому, что «образ единого прежде географического пространства раздробился… на множество… „служебных“ образов, которые и формируют мозаику пространственного опыта конкретного человека» (с. 53). Благодаря

трудам К. Риттера и А. Геттнера появился «новый географический язык, который отличался не столько обилием новых научных терминов, сколько принципиально иным отношением к описанию собственного объекта — географического пространства. Так, введение понятий рельефа и ландшафта было, по сути, свидетельством превращения географии из науки, близоруко „ощупывавшей“ интересовавшие ее объекты (география „близи“), в науку дистанционную, которая уверенно фиксировала и сам объект своего интереса, и его структуру благодаря использованию пространственного принципа (география „дали“... как серия последовательных геоисторических образов Франции у Ф. Броделя)» (с. 59). Наиболее интенсивные модификации характерны для географических образов применительно к культурным ландшафтам, яркий пример чему — макрогеографические образы, замещающие или поглощающие реальные пространства[4]. Наиболее простые, четкие и выпуклые географические образы используются в политике — это конструкции, которые могут формировать сложную (центр и периферия), разветвленную (территории двойного подчинения, фронтирные империи) и иерархизированную (буферные и промежуточные зоны между соперничающими государствами) геополитическую картину мира.

Современную географию автор называет гуманитарной, потому что она «изучает различные способы представления и интерпретации земных пространств; ее базовые понятия... — культурный (этнокультурный) ландшафт, географический образ, региональную (пространственную) идентичность, пространственный или локальный миф (региональную мифологию)» (с. 79). В качестве ее важного раздела [хотя необходимость введения соответствующей терминологии не очевидна] автор называет имажинальную географию, фокусирующуюся на моделировании географических образов, ее основной метод — «образно-географическое картографирование» посредством понятий «гений места», «поэтика пространства» и др. Под географическим образом понимается «система взаимосвязанных и взаимодействующих знаков, символов, архетипов и стереотипов, ярко и в то же время достаточно просто характеризующих какую-либо территорию (место, ландшафт, регион, страну)» (с. 84).

Становление современной постгеографии для автора — длительный эволюционный процесс, запущенный в эпоху Просвещения теорией географического детерминизма в трудах Ш.-Л. Монтескье, продолженный в работах Н. Данилевского, О. Шпенглера и Дж. Тойнби о роли культурно-географического пространства для развития (локальных) цивилизаций и приведший к формированию трех концептуальных моделей: географического детерминизма —

4. Так образ пространства России «сконструирован» преимущественно литературными и философскими текстами с яркими эмоциональными оттенками, например *Радищев А. Н.* (1975). Путешествие из Петербурга в Москву. М.

«ищет строгую причинную связь между географическими условиями и закономерностями развития конкретной цивилизации»; географического поссибилизма — «утверждает вероятностную связь между веером природно-географических ограничений и возможностей и способами географической адаптации определенной цивилизации в их динамике»; и геоспациализма — «локальная цивилизация и географическая среда представляются неразрывными частями, элементами цивилизационно-пространственной целостности (историко-географического образа)» (с. 103).

Еще одно базовое для автора понятие — геономика, она «рассматривает и изучает пространство как образ и трансакцию: на первой стадии пространство трактуется достаточно узко — как определенная экономическая трансакция в виде специализированных географических образов; на второй стадии… уже шире — как фундаментальные трансакции в большинстве сфер человеческой деятельности» (с. 118). Образы пространства могут влиять на принятие решений в экономике, поэтому возможны специфические трансакционные издержки в связи с восприятием, формированием и развитием образов пространства (например, образы Сибири и Дальнего Востока важны для социальных трансакций российских властных групп). Географическими образами в общественном мнении можно управлять, находя оптимальные траектории развития уже доминирующих образов, идентифицируя неявные образы и вводя их в официальный дискурс (так, в России традиционно силен дискурс об огромности, неисчерпаемости и богатстве пространств, который позиционирует эти особенности как важное инвестиционное преимущество), а также конструируя новые образы.

Поскольку территория для автора — «ментальный конструкт» и одновременно чья-то «принадлежность» (не столько юридическая, сколько феноменологическая), возможны разные подходы (дискурсы) в изучении территориальной идентичности (с. 147): плюралистический — основан на понятии множественности территорий, в отношении которых люди могут самоопределяться; уникалистский, или феноменологический, — рассматривает идентичность «здесь-и-сейчас» как мифологически и нарративно поддерживаемую и «объясняемую»; апофатический, или онтологический, — оценивает возможность и наличие идентичности как таковой. В трактовках территориальной идентичности важны и идеологические подходы к понятию пространства (с. 154–155). Современный марксизм понимает его как важнейший элемент капиталистического производства и устойчивости капиталистической системы, и даже в постмарксистской теории П. Бурдье, несмотря на усиление символических аспектов пространства, в нем видится эквивалент метафизического тела, к которому применимо насилие (классовая борьба продолжается в сетевых и виртуальных пространствах). Постмодернистский дискурс неоднороден, потому что решает несколько задач — дистанцирования от модернистской трактовки пространства и идео-

логического обоснования процессов глобализации и регионализации (глокализации), поэтому территориальная идентичность оказывается «бриколажем» географических образов, локальных мифов и культурных ландшафтов, организованных в некую мозаику в конкретный момент времени.

В последнем случае понятны причины гетеротопии — «своего рода „шизофрении“ геокультурного и геосоциального пространства» (понятие заимствовано М. Фуко из биологии), «репрезентируемого различными образами мест, причем... они могут быть несовместимы или слабо совместимы друг с другом... одно и то же пространство может использоваться, восприниматься и воображаться различными сообществами, группами или отдельными людьми с разными целями и в рамках совершенно различных представлений (бытовых, возрастных, гендерных, профессиональных, социокультурных и т. д.)» (с. 157). Сегодня происходит переход к геоспациалистскому проекту — «образному империализму, сознательной идеологической концентрации и систематическому идеологическому комбинированию наиболее мощных в конкретной социокультурной ситуации политических, экономических, географических образов для их целенаправленной и постоянно воспроизводимой... в СМИ репрезентации вовне — на те или иные социокультурные общности и/или сообщества» (с. 169).

Во второй части книги показано, как постгеографические дискурсы используются в геополитических целях, для геополитических «игр с пространством» вследствие «невозможности... формирования единого географического образа мирового развития... и создания сетевой системы плотно увязанных между собой географических образов мирового развития различного масштаба, в виде специфических образных „матрешек“» (с. 180). Другое основание геополитических дискурсивных игр состоит в том, что постмодерн радикально изменил отношение к земному пространству: эпоха модерна «эффективно эксплуатировала географические образы, „заряженные“ на бесконечное расширение и освоение мира (понятие „Запад“ стало его естественным следствием), проект постмодерна предлагает и экстенсивное, и интенсивное понимание географических образов» (с. 187). В последнем случае географическое пространство обретает семиотический характер, его образы — визуальный, фреймовый и сценарный (можно «тасовать» их, как колоду карт), «мир представляется как реализация определенных схем интерпретации, и границы интерпретации являются одновременно и границами воспринимаемого мира» (с. 193). Политические географические образы часто не совпадают с государственными границами (впрочем, и в классической геополитике границы считались податливым инструментом концептуальных построений), потому что в моделировании политических пространств используются процедуры «подъема» (макровзгляд с элементами мифологизациии) и «спуска» (автономизация географических траекторий исторического разви-

тия), например Россия выступает как «среднезападная страна» или как «мировой остров» (с. 203–204)[5].

Соответственно, географическими образами можно манипулировать, чтобы сконструировать особым образом политико-, культурно- и экономически структурированное географическое пространство как эквивалент реального. Основной ресурс для подобных манипуляций предоставляют тексты (документальные, художественные, живописные и графические), которые используются в конкретных геополитических стратегиях. Внутри каждой из них можно выделить несколько уровней (с. 240–242): 1) «прямое продуцирование специфических геополитических образов в рамках письменных (художественных) стратегий» (артикуляция и интерпретация элементов географической карты); 2) «неявные языковые стратегии, связанные с переосмыслением их геополитических, геоидеологических и геокультурных контекстов» (построение концептов, автономных от прямых интерпретаций географической карты); 3) «изменение режимов функционирования самого языка, конфигураций языкового поля, приводящее к смене механизмов формирования геополитических образов» (в специфической языковой среде географические названия выступают как маркеры, коды идеологического или мифологического насыщения геополитических образов). В качестве особого дискурсивного феномена во второй части книги предстает столица — «образ и понятие, бытие которых поддерживается онтологическим статусом… государственности… и фундаментальной традицией власти в утверждении пространства… как аутентичной собственности (столичные репрезентации начиная с древности связаны как правило с ритуалами сакрализации властного пространства как центра)» (с. 248).

В третьей части книги и культура выступает как постгеографическая конструкция из разных типов локальных «пространств» (страны, города, архитектуры, мифа, паломничества и др.). Здесь автор предпочитает понятие «геокультурный образ» как обозначение «системы наиболее мощных, ярких и масштабных геопространственных знаков, символов, характеристик, описывающее особенности развития и функционирования тех или иных культур и/или цивилизаций в глобальном контексте. Геокультурные образы относятся по преимуществу к экзогенным географическим образам, т. е. к таким, в формировании которых большую роль играют смежные (соседние) образы. Например, в формировании геокультурного образа России принимают участие географические образы Евразии, Восточной Европы, Балтийского и Черноморского регионов, Кавказа» (с. 303–304). Аналогично «Освенцим является ярким образом различных ментальных географий: европейской, еврейской, мировой, западной, восточноевропейской, польской, немецкой и т. д. … без них глобальный ландшафт дрейфует в пространствах человече-

5. По аналогии с: *Цымбурский В. Л.* (2007). Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.

ской памяти» (с. 319). Распространять географические образы могут не только геокультуры, но и крупные религии, а также империи (или государства с подобными амбициями).

Несмотря на разнообразие объектов географического моделирования, наиболее перспективным его направлением автор считает моделирование образа страны, потому что здесь географическое пространство максимально структурировано в рамках определенной исторической эпохи, как матрешка, внутри которой стержневой образ спрятан внутри нескольких паковок». Так, в случае Германии стержнем образа страны выступает сочетание немецкой философии, германского милитаризма, культурно-исторической обособленности немецких земель и центрального географического положения в Европе (с. 328). Другой фокус авторского интереса — локальные мифологии, которые в европейском модерне конца XVIII — начала XIX века способствовали развитию национального воображения и формированию национальной идентичности, а сегодня поддерживают «весь комплекс цивилизационных „установок“ и практик, воспроизводимых всеми возможными... средствами» (с. 402). Географичность локальных мифов объясняется тем, что в разворачивании своих сюжетов они неизменно опираются на конкретные топонимы и реалии (независимо от степени их «реальности»), и, наоборот, «территории, места не существует без поддерживающего и „объясняющего“ его существование мифа или... системы мифов... Географическое воображение, взятое в его феноменологически-нарративном контексте, обеспечивает в итоге реальную географию и топографию региона» (с. 407). «Горизонтальные» локальные мифы тяготеют к жанру социальных утопий, «вертикальные» обращены, как правило, к религиозному или иному типу сознания, воображающему некие скрытые пространства таинственного, страшного и откровенного (например, миф русской усадьбы с проклятием, подземным кладом и т. д.).

Для оценки (и проектирования) роли локальных мифологий в солидаризации и сплоченности (или, наоборот, в расколе и атомизации) региональных сообществ автор предлагает модель из нескольких блоков (с. 421–428): 1) исследование мифологических ресурсов территории/сообщества (прежде всего местного фольклора); 2) описание структур локальных мифов и их упорядочение по происхождению, темам, сюжетам и степени распространенности; 3) идентификация характера (сакральный/профанный) мифов; 4) топографическая «привязка» мифов; 5) оценка значимости выявленных локальных мифов в становлении региональных идентичностей; 6) описание взаимодействия мифов с культурными ландшафтами, характеристика локально-мифологической визуализации и «текстуализации» территории; 7) обобщающая оценка существующих локальных мифов и возможностей конструирования новых.

В заключительной части книги представлены дискурсивные стратегии метагеографического конструирования России и фор-

мирования пространственной и цивилизационной идентичности, то есть демонстрируются практические возможности имажинальной географии. По мнению автора, со второй половины XIX века «российская цивилизация вырабатывает… специфические географические образы, которые, с одной стороны, уже не являются простым продолжением и расширением европейского воображения (коим устойчиво „питалась“ и воспроизводилась Россия весь XVIII век), а с другой стороны, фиксируют постоянную ситуацию ментального „оконтуривания“ условно пустых пространств, предполагаемых в будущем к освоению» (с. 454) и маркировке цивилизационной идентичности. В качестве подтверждения автор обращается к текстам П. Я. Чаадаева, презентирующим Россию как страну, «ушибленную пространством» и цивилизационно зависимую от Европы.

Рядом с метагеографическим образом России автор ставит метагеографическую идею Евразии, сложившуюся «в геополитических штудиях первой половины XX века, — это идея „мирового острова“ или острова-материка… внутри него появляются образы отдельных островов, материков, иногда сцепляющихся друг с другом опять-таки в острова-материки (например, Китай, Индия, Европа, Россия)» (с. 466–467). Евразия — образ, символ и проект российской цивилизации, и термин «геократия» автор вводит для обозначения совокупности «способов и дискурсов осмысления, символизации и воображения конкретного географического пространства, ставшего имманентным для аутентичных репрезентаций и интерпретаций определенной цивилизации» (с. 526). Пространство есть некая власть, если его соответствующим образом географически интерпретировать. Поддерживают цивилизации-образы модерна и постмодерна локальные мифы, обеспечивающие воспроизводство и расширение нарративов цивилизационной идентичности (например, в России это миф о граде Китеже, мифы Урала и Русского Севера и т. д.).

Помимо проработки концептуальных и операциональных определений пространства и презентации основных линий теоретических дискуссий о нем в хронологическом ключе автор предлагает читателю примеры того, как разрабатываемый им подход позволяет обнаруживать важные закономерности в современной геополитике и постгеографии. Так, возможности образно-географической карты как метода исследования он показывает на примере города Касимова в Рязанской области; механизмы формирования компактных политико-географических образов в геополитической картине мира представлены на примере дискуссий в ходе Потсдамской мирной конференции 1945 года, прежде всего по поводу Германии; возможности моделирования геополитических ситуаций и объектов продемонстрированы на примере «хазарской границы» в Средней Азии XIX века — «как текучего, неустойчивого, подвижного рубежа… как своеобразной предграницы или протограницы… где рождаются, создаются, возникают максимально неустойчивые и ши-

рокие географические образы» (с. 298–299); последовательность шагов по идентификации и моделированию географического образа города прописана на примере карт Нижнего Новгорода и Ельца и т. д.

Однако географические сюжеты сегодня обретают новое звучание и в менее философско-нагруженном формате, как, например, в публицистической и геополитической (Р. Каплан представлен в аннотации как «публицист и геополитик») книге «Месть географии». Аннотация и эпиграф позиционируют автора как, во-первых, человека с географико-геополитически центрированным мировоззрением, поскольку он полагает, что «зная географию, можно ясно увидеть те границы, переступать которые не следует, — достаточно просто подойти к карте и внимательно посмотреть на нее» (достаточно редкий навык, судя по решениям политических лидеров и поступкам любопытствующих обывателей); во-вторых, как трезвомыслящего пессимиста, раз он предварил свой текст высказыванием М. Юрсенар о том, что человеческая история — это «необъятная масса зла и поражений, равнодушия и ошибок, неизбежных новых падений, новых катастроф и торжества хаоса», которая изредка прореживается периодами порядка, процветания и прогресса. И хотя содержание книги формируют три части — «Провидцы», «Карта начала XXI века» и «Судьба Америки», в центре повествования находятся обозначенные в прологе «Границы» — географические, исторические, религиозные и прочие демаркационные линии в научном и политическом дискурсе, территориальном и социальном пространстве, конституирующие политическую историю и нашу повседневную жизнь.

На все эти границы автор смотрит с двух перспектив: «сверху» — с макропозиций геополитической истории и «снизу» — как человек, «имевший возможность не спеша путешествовать по странам и континентам» (с. 9) в качестве международного журналиста. Вторая «оптика» (опыт включенного наблюдения) не только вносит в повествование яркость реалистичных зарисовок, но и удерживает автора от идеологизированных оценок, в набор которых текст мог бы превратиться без подобного отрезвляющего компонента, учитывая проамериканский взгляд автора на прошлое и настоящее и склонность к по-журналистски резким оценкам и метафорам, не характерным для научно-публицистического дискурса (на принадлежность к которому книга явно претендует), типа «на равнине реакционный режим Николае Чаушеску впился в глотку местному населению» (с. 10). Дополнительным фактором, удерживающим автора от слишком идеологизированных смещений, выступает его антропологический интерес, в частности, к работам Дж. Скотта[6].

Пафос предваряющего книгу пролога, видимо, можно выразить так: нельзя недооценивать роль географии как самостоятельного

6. *Scott J.C.* (2009). The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia. New Haven.

(гео)политического актора, который и сегодня продолжает преподавать человечеству уроки, когда оно пытается создавать искусственные и нелепые границы. У читателя может возникнуть впечатление, что автор излишне географически детерминистичен (хотя речь идет о социокультурной географии), когда, рассуждая о падении европейских диктатур во второй половине XX века, он отмечает, «насколько мимолетно настоящее, каким бы вечным оно ни казалось, единственное, что остается всегда неизменным, — расположение народов на карте мира… Подобно тому как была объединена Германия, когда-нибудь объединится и Корея… Вновь на определенном этапе доминантными окажутся культура и география. Искусственные границы, которые не совпадают с границами естественными, как правило, чрезвычайно уязвимы» (с. 14–15) [можно подвергнуть автора критике за размытость понятий искусственности и естественности в данном высказывании и в целом по тексту]. Однако автор постоянно подчеркивает роль личности и групп в истории (прежде всего местных правящих кругов) и поражение географии из-за влияния коммуникационных технологий, свидетельство чему — последние политические кризисы на Ближнем Востоке, хотя протесты в странах арабского мира развивались по-разному по причине влияния истории и географии, то есть «чем больше мы уважаем карты, тем меньше мы делаем ошибок» (с. 19) [речь, правда, идет преимущественно о принятии США решений о разных типах вмешательства в жизнь других государств].

Автор стремится опровергнуть нынешнюю теорию «плоского мира» (глобализирующегося и унифицирующегося) и познакомить читателя с «мыслителями (провидцами), которые выступают категорически против тезиса, что география больше не имеет никакого значения» (с. 16). В первой части книги автор «излагает основные положения их теорий, опустившись в них на максимальную глубину, во второй части применяет их мудрость на практике» (с. 16) [сложно сказать, характерны ли столь странные конструкции для стиля автора или же это особенности перевода]. Отправным пунктом размышлений автора в первой части книги выступает одна из последних «вспышек идеализма» в США, под которой он понимает высказанное Ф. Фукуямой мнение, что «успешность капиталистических стран с либерально-демократическим режимом положила конец спорам о том, какая из форм правления больше подходит для человечества», причем перекройка мира по американскому образцу в 1990-е годы не вызывала бурных протестов (с. 24). Но очень быстро «история и география охладили горячие головы… от легковесных разглагольствований о глобальном единстве, мировая элита была вынуждена перейти к тяжелым дискуссиям о невероятно запутанной истории межэтнических отношений на местах» (с. 33). «В 1990-х годах этнические и религиозные противостояния в отдаленных уголках планеты понимались как препятствия, которые „хорошие парни“ должны были преодолеть… Но уже в следующее

десятилетие такие противостояния стали рассматривать как факторы, которые могли — и должны были — предостеречь нас [США] от попыток военного вмешательства» (с. 41).

Первая часть книги посвящена концепциям «реалистов», которые «утверждали, что нельзя недооценивать роль географии, истории и культуры, их влияние на возможность тех или иных действий в любом отдельно взятом месте» (с. 44). Хотя, по мнению автора, «настоящий реализм представляет собой в большей мере искусство, нежели науку», именно он необходим для улучшения мира, потому что «принимает человеческий материал таким, каков он есть... ссылается на исторический прецедент, а не на абстрактные принципы», то есть «чтобы попытаться предвидеть будущее Ирака после уничтожения тоталитарного режима, реалист бы посмотрел на историю Ирака, объясняемую через карты и конфигурацию этнических общин, а не на моральные заповеди западной демократии» (с. 45). Историю реализма автор ведет с «лишенной иллюзий в рассуждении о человеческой природе» работы Фукидида «О Пелопоннесской войне», современный реализм — с работ Г. Моргентау, отрицавшего эквивалентность демократии и моральности, подчеркивавшего, что «государство должно быть гораздо „более лукавым“, чем отдельная личность» (с. 46) и объявившего геополитику псевдонаукой за возведение значения географии в абсолют (с. 83). Все это делает реализм крайне неудобным для политики, потому что для него порядок важнее свободы, он «опирается на признание самой... откровенной и самой детерминистической из возможных истин — географической правды... несмотря на искажения в картографии» (с. 49) (карты часто субъективны, могут быть «дискурсом власти», скажем латентного империализма, то есть опасным геополитическим инструментом, но без них невозможна мировая политика). Следует подчеркнуть, что географию автор мыслит предельно широко — как «фон для человеческой истории»: она связывает культуру с природными факторами, которые ограничивают действия человека физическими параметрами географии, но эти границы размыты, что дает свободу для маневра. География выступает как ограничитель и подстрекатель действий государства, поэтому, например, историю России автор связывает с ее извечными «союзниками» — просторами, суровыми климатическими условиями и временем.

Автор уточняет, что на долгое время географию не покорили, а забыли и предупреждает, что ренессанс географического дискурса должен вписаться «в тонкую грань между признанием географии в качестве важнейшего фактора исторического развития и опасностью преувеличения ее значения». Эту грань конституирует «вероятностный детерминизм» (в терминологии Р. Арона), «который признает очевидные различия между группами людей и физическими особенностями местности, где они проживают, но не понимает их слишком упрощенно, оставляя множество вероятностей откры-

тыми» (с. 59). Истоки этого типа детерминизма автор усматривает в работах Геродота, поскольку для его мировоззрения характерно признание определяющего влияния на социальную и политическую историю одновременно и географической реальности, и одиночных порывов человека.

Фундамент «правильного» географического реализма автор выстраивает на работах У. Мак-Нила (полемизирует с идеями О. Шпенглера, А. Тойнби и С. Хантингтона и определяет цивилизацию как «во многом мужественную реакцию на естественное окружение» (с. 67), М. Ходжсона (поместил ислам в географическом и культурном плане в контекст более крупных течений мировой истории, считал европоцентрическое видение и картографирование мира неверным), Р. Штраус-Хупе («реалист до мозга костей», убедивший американцев воспринимать геополитику всерьез), Х. Маккиндера (утверждал, что «человек, а не природа дает начало, но природа в большинстве случаев оказывается сдерживающей силой» (с. 85), поскольку «географические величины легче поддаются измерению и более постоянны, нежели человеческие» (с. 90), поэтому «природу и географию можно отодвинуть на второй план, но только уважая их, изучая должным образом» (с. 92) и др. [в завершающей главе книги в список ученых, совершивших переворот в исторической науке благодаря акценту на географии, демографии, материальной культуре и окружающей среде, внесен Ф. Бродель и в целом школа «Анналов»]. Кстати, автор убежден, что придуманная немцами геополитика во многом опиралась на искажение идей Маккиндера и «привела к губительным последствиям для Германии, дискредитировав географию и геополитику для целых поколений немцев после Второй мировой войны» (с. 102). Взлет и падение немецкой геополитической школы объясняются неверным истолкованием трудов многих ученых, в частности Ф. Ратцеля, хотя и его автор упрекает в «выспренности и пустословии… которые позволили поколению нацистских убийц использовать его идеи для оправдания своих деяний» (с. 103).

Нет смысла пытаться тезисно изложить содержание первой части книги, насыщенной известными именами, цитатами и главное — яркими историческими иллюстрациями идей автора, но необходимо предупредить читателя, что текст предельно «американизирован» — практически любая ситуация препарируется в нем с позиций американских интересов и (возможного) вовлечения в нее США в качестве «гегемона, который обеспечивает стабильность и мир». Подход автора нередко смущает не столько резкостью оценок и чрезмерной публицистичностью (к чему читатель готов, зная о профессиональной деятельности автора-журналиста), сколько откровенным «империализмом» в оценках роли США в прошлом, настоящем и будущем современного мира. Впрочем, эксцессы проамериканизма в книге не часты, автор действительно стремится разобраться в истоках многих нынешних проблем. Так, социально-политическую

нестабильность в Евразии он связывает со сложным переплетением целого ряда факторов: роста городского населения вследствие бурной урбанизации, колебания мировых цен на продовольствие и энергоносители, нарастания охвата и силы воздействия средств массовой информации и обезличенного чувства толпы, в которой человек ощущает себя одиноким и пытается избавиться от этого чувства, примыкая к националистическим и религиозным течениям радикального толка, которые «перекраивают традиционную географию» (с. 144) и создают «региональные военизированные формирования негосударственного уровня... способные доставить множество хлопот любой сверхдержаве» (с. 147), поскольку ищут власти, но избегают ответственности управления, вооружаются и лишают государство монополии на применение силы.

Конкретные примеры влияния социальной географии на жизнь в разных районах земного шара автор рассматривает во второй части книги, причем по событиям недавнего прошлого и начала XXI века. Каждая глава здесь посвящена своему географическому региону — Европе, России, Китаю, Индии, Ирану и территориям бывшей Османской империи, но акцент сделан не на внутристрановой ситуации, а на истоках нынешних взаимоотношений стран и географических предпосылках для их стабилизации или, наоборот, ухудшения в будущем. Так, автор отмечает благоприятствующее динамичному и диверсифицированному развитию географическое положение Европы, утверждает, что на самом деле существует несколько Европ, периодически конфликтующих по причине экономического неравенства, истоки которого коренятся в истории и географии региона, что не отменяет влияния и человеческого фактора.

Автор рассматривает ситуацию внутри отдельных стран и разные сценарии будущего Европы, позитивно оценивает возможные действия России на геополитической арене («несомненно, русские не станут применять наземные войска, чтобы вновь оккупировать Восточную Европу ради восстановления буферной зоны, но... будут оказывать политическое и экономическое давление на соседей (частично пользуясь их зависимостью от российских энергоресурсов)» — с. 170) и делает жизнеутверждающий для российского читателя вывод, что «география и история показывают, что Россию никогда нельзя сбрасывать со счетов. Возрождение России после развала СССР — всего лишь часть исторического процесса, уходящего корнями в глубокую древность» (с. 178). Русские в книге — «народ, который построил империю в жутких условиях континентального ландшафта и климата» (с. 184), но Кавказ «подпортил» имидж Российской империи, хотя такова «судьба любой континентальной державы, судьба государства-завоевателя» (с. 185). Автор критикует нынешнее увлечение российской политической элиты идеями евразийства как апелляцию только и исключительно к географии без внятной объединяющей идеологии, но «география не объясняет все на свете, да и не найти в ней универсального ре-

шения всех проблем, она лишь фон, на котором разворачивается битва идеологий» (с. 193).

Автор предлагает читателю взгляд на географическую карту мира сквозь призму китайской истории, подчеркивая, что выгодность географического положения Китая для экономического развития и «уверенности китайцев в своих силах» столь самоочевидна, что часто незаслуженно игнорируется, как и влияние «экологических» различий внутри страны на ее социокультурную и политическую дифференциацию. Для автора Китай — пример «сверхреалистической державы», постоянно и системно предпринимающей шаги по обеспечению своего роста, подчиняющей всю свою внешнеполитическую деятельность достижению фундаментальных национальных интересов — «экономического выживания и развития» (с. 212). «Китай использует все формы влияния — политическое, дипломатическое, экономическое, торговое, военное и даже демографическое, чтобы легально выйти за пределы существующих границ на море и на суше, восстановить границы времен империи на пике ее расцвета» (с. 237), при этом старательно избегая конфронтации с ближними и дальними соседями. Однако «укрепление китайской экономической мощи, все более сопровождаемой ростом военного могущества... усилили напряженность в американо-китайских отношениях... „Гегемон Западного полушария приложит все усилия, дабы не позволить Китаю сделать региональным гегемоном большей части полушария Восточного“» (с. 244).

Завершают вторую часть книги рассуждения автора о географической детерминации исторических судеб индийской государственности, в которых подчеркиваются различия китайского и индийского обществ с политико-географических позиций: Индия «не укладывается в границы субконтинента» и потому находится в сложных взаимоотношениях с Пакистаном, Бангладеш и отчасти Непалом, для нее характерна географическая разорванность севера и юга (отсюда многие религиозные и прочие устойчивые конфликты) и влияние британского бюрократического аппарата на прошлое и настоящее (в колониальном прошлом для независимого настоящего кроется такой «плюс», как наследие прочной бюрократической традиции). В свою очередь, Индия и соседние государства с искусственными и размытыми географическими границами противопоставляются Ирану как государству, в котором «нет ничего искусственно созданного» и где высок уровень властной институционализации.

Заключительная часть книги по объему незначительно превышает открывающий ее пролог и посвящена судьбе Америки: автор идеалистически-апологетически и исключительно «американоцентристски» оценивает недавнее прошлое страны («ни в Ираке, ни в Афганистане США не допустили принципиальной ошибки...»; «ничего столь катастрофичного не произошло после вторжения Америки в Ирак — наше военное и экономическое положение

в мире... прочно и стабильно, нет никаких признаков ослабления этих позиций» — с. 346–347) и дает интересные прогнозы о ее демографическом и геополитическом будущем. «Америка в течение XXI века станет скорее цивилизацией полинезийского типа, ориентированной с севера на юг от Канады до Мексики, чем островом, населенным светлокожими людьми, простирающимся с востока на запад в умеренной зоне от Атлантического до Тихого океана. Для этого многорасового сообщества будут характерны быстро растущие города-государства с пригородами, которые с течением времени все больше будут похожи друг на друга... Каждый из них будет поддерживать и развивать свои экономические отношения с городами и торговыми сетями по всему миру... США суждено стать основной беспошлинной зоной деловых операций в мире, излюбленным местом проживания мировой элиты... Она будет использовать иммиграционные законы, чтобы присвоить лучшие и умнейшие человеческие активы мира... Национализм сам по себе станет не таким концентрированным, но все же достаточным, чтобы сохранить уникальную индивидуальность Америки и ее военную мощь» (с 359). Что касается мира в целом, то он видится автору в будущем «как подобие жизнеустройства в Османской империи — „сеть географически переплетенных общин“, по словам А. Тойнби, а не „лоскутного одеяла, сшитого из... государств, изолированных в пределах своих границ“. Любые отношения будут сказываться на других как никогда ранее» (с. 364).

Таким образом, первая из рецензируемых работ сложна для восприятия даже для искушенного в социально-гуманитарных дискурсивных вариациях читателя, поскольку автор не только эрудирован и ожидает того же от своей аудитории, но и конструирует неоднозначный понятийно-категориальный аппарат (неоднозначный в силу избытка неологизмов и «терминологических игр»). Вторая книга, несмотря на схожий идеологический посыл (его можно выразить лозунгом «назад к (гуманитарной) географии!»), аналогичную расширительную трактовку «географии», ту же склонность к резким оценочным суждениям (например, у Замятина нынешние политологические дискурсы «несут „каинову печать“ американского происхождения», а у Каплана в Центральной Европе «пустило корни робкое и очень жалкое подобие европейской культуры») и явно выраженный «центризм» (только у Замятина — россиецентризм, а у Каплана — американцентризм), совершенно иначе стилистически и содержательно выстроена, поэтому легче читается, основные из цитируемых работ здесь реферативно представлены с воспроизведением наиболее значимых цитат, дистанция между автором и повествованием сведена к минимуму (нет попытки построения объективированно-дистанцированного текста, автор позиционирует себя как часть государства, ответственного за серьезные геополитические решения). По сути, перед нами две вариации макровзгляда на роль географии — философски-дистанцированная

и геополитически-публицистическая, каждая из которых важна для понимания прошлого и будущего нашего мира в географически-поссибилистском ключе. Печальные последствия игнорирования подобного типа географического детерминизма и живописуются во второй книге как «месть географии».

"…The search for a better world must be based on a thorough knowledge of geography"

Irina Trotsuk, DSc (Sociology), Associate Professor, Sociology Chair, Peoples' Friendship University of Russia; Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 101000, Moscow, prosp. Vernadskogo, 82. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru.

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-1-148-165